

УДК 327

DOI 10.63874/2218-0273-2026-1-57-63

Ирина Александровна Малиук*магистр полит. наук, аспирант 2-го года обучения каф. политологии
Белорусского государственного экономического университета***Irina Maliuk***Master of Political Science, 2-nd Year Postgraduate Student
of the Department of Political Science of Belarusian State Economic University
e-mail: irina_st66@mail.ru*

РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В ПРОТИВОСТОЯНИИ ВНЕШНЕМУ ВМЕШАТЕЛЬСТВУ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Исследуется роль исламского фактора как инструмента противодействия внешнему вмешательству в странах Ближнего и Среднего Востока на примере Ирана, Ливана и Афганистана. Анализируется влияние исламского фактора на укрепление суверенитета, формирование устойчивых государственных институтов, социальную консолидацию и обеспечение внутренней и региональной безопасности. Особое внимание уделяется механизмам мобилизации общества, институционализации власти и использованию религиозной идентичности для противостояния внешнему давлению. Сделан вывод, что если глобализацию понимать не только как процесс экономической интеграции, но и как механизм закрепления американского влияния через международные институты и транснациональные корпорации, то сопротивление этому влиянию становится многомерным стратегическим действием, трансформируется в широкую, многоуровневую антиимпериалистическую борьбу, охватывающую различные регионы мира.

Ключевые слова: исламский фактор, внешнее вмешательство, региональная безопасность, исламская революция.

The Role of the Islamic Factor in Countering Foreign Interference in the Countries of the Middle East

This article examines the role of the Islamic factor as a tool for countering external interference in the countries of the Near and Middle East, using Iran, Lebanon and Afghanistan as examples. It analyses the influence of the Islamic factor on strengthening sovereignty, forming stable state institutions, social consolidation, and ensuring internal and regional security. Particular attention is paid to the mechanisms of mobilising society, institutionalising power, and using religious identity to counter external pressure. It is concluded that if globalization is understood not only as a process of economic integration, but also as a mechanism for consolidating American influence through international institutions and transnational corporations, then resistance to this influence becomes a multidimensional strategic action, and resistance to it is transformed into a broad, multi-level anti-imperialist struggle encompassing various regions of the world.

Key words: Islamic factor, external interference, regional security, Islamic revolution.

Введение

Ближний и Средний Восток на протяжении длительного исторического периода выступает одним из ключевых центров мировой политики. Географическое положение региона, расположенного на пересечении транспортных и торговых маршрутов, определило его устойчивую значимость для внешних акторов. Накопленные здесь запасы

энергоресурсов, а также высокая концентрация культурных, религиозных и цивилизационных центров формируют многослойный характер регионального развития и одновременно повышают уровень его уязвимости к внешнему воздействию. Внешнее вмешательство в страны региона проявляется комплексно: через военные интервенции (операции в Ираке 1991 и 2003 гг., в Афганистане и Ливии 2011 г.), экономическое давление (санкции, контроль экспортно-импортных потоков) и информационные воздействия, включая медийные кампании и пропаганду.

Цель статьи – определить роль исламского фактора как механизма противо-

Научный руководитель – Юлианна Игоревна Малевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Белорусского государственного университета

действия внешнему вмешательству и укреплению суверенитета государств региона.

Задачи исследования:

1) анализ исторического и современного проявления исламского фактора в регионе;

2) оценка влияния исламского фактора на формирование устойчивых государственных институтов и внутреннюю безопасность;

3) анализ примеров использования исламского фактора в противостоянии иностранному давлению на примере Ирана, Ливана и Афганистана.

В статье исламский фактор рассматривается как ключевой элемент политической идентичности и социального консенсуса, способный обеспечивать внутреннюю и региональную устойчивость.

Основная часть

Исламский фактор представляет собой комплексное явление, включающее политические, социальные, культурные и идеологические проявления, формируемые влиянием ислама как религии на региональные и глобальные процессы. С одной стороны, это традиционные религиозные ценности, которые формируют политическую культуру, укрепляют общественные институты и определяют нормы взаимодействия внутри общества. С другой стороны, это действия различных политических и вооруженных формирований, оперирующих исламской риторикой в целях достижения своих стратегических и тактических задач. В политическом измерении исламский фактор проявляется в формировании государственной идеологии в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, где ислам одновременно служит источником легитимности власти и средством мобилизации общества.

В ряде научных работ исламский фактор описывается преимущественно через призму активности исламистских групп и движений, опирающихся на религиозную риторику. Они формируют давление на политическую динамику, международные процессы и механизмы обеспечения национальной безопасности отдельных государств. К исламскому фактору в этом случае относят фундаменталистские течения, радикальные формы религиозного активизма, такие

как ваххабизм, салафизм, иные идеологически жесткие направления [1, с. 69].

Подобное восприятие сложилось на фоне длительных конфликтов в странах Ближнего и Среднего Востока и усиления активности транснациональных террористических сетей в 1990–2000-е гг. В результате исламский фактор на протяжении длительного времени рассматривался преимущественно через призму насильственных радикальных проявлений. Вместе с тем такой подход не позволяет полностью оценить многообразие механизмов, посредством которых ислам оказывает влияние на социально-политические процессы. В нашем исследовании предлагается рассмотреть исламский фактор как комплекс ценностных, институциональных и идентификационных структур, способствующих повышению устойчивости государств и усилению их способности противостоять внешним воздействиям.

Одним из наглядных примеров такого противостояния служит Исламская революция 1979 г. в Иране, которая стала следствием сложного сочетания социальных, экономических и политических факторов. Политика шаха Мохаммеда Резы Пехлеви, ориентированная на радикальную вестернизацию и укрепление прозападного авторитарного режима, сопровождалась масштабной концентрацией власти, коррупцией и нарушением традиционных религиозных норм. Несправедливое распределение нефтяных доходов, социальное расслоение, рост урбанизированного бедного населения, отсутствие социальных лифтов и жесткая деятельность спецслужбы САВАК привели к массовому недовольству населения [2].

Исламский фактор в данном случае проявился как объединяющая сила, способная формировать коллективную идентичность и мобилизовать широкие слои населения на достижение общих целей. Риторика аятоллы Рухоллы Хомейни, построенная на антимонархических и антиимпериалистических мотивах, придала протесту духовную легитимность. Она превратила социальное недовольство в организованное политическое движение, способное противостоять внешнему вмешательству, прежде всего со стороны США и западных держав, поддерживавших шахский режим.

После падения монархии был проведен референдум, по результатам которого население утвердило создание Исламской Республики Иран. Конституция, принятая в декабре 1979 г., закрепила ключевые принципы государственной политической системы Исламской Республики Иран, в основе которой лежит концепция «Вилайят-е факих» – верховенства исламского права. Эта модель позволила создать централизованную систему управления, способную поддерживать стабильность и контролировать функционирование всех государственных институтов [2].

Неотъемлемым элементом внешней стратегии западных держав является контроль над информационным пространством. Противники США, такие как Китай, Россия, Иран и их региональные партнеры, становятся объектами системной дезинформации, направленной на подрыв легитимности их политических институтов. В случае с Ираном западная пропаганда часто изображает Исламскую революцию как катастрофическое событие, приведшее к власти «диктаторов». При этом системно игнорируются социальные и экономические проблемы, которые существовали в стране до 1979 г.

До революции большинство населения страны не имело доступа к базовым социальным и медицинским услугам. Средняя продолжительность жизни в сельской местности не превышала 50 лет, две трети населения страдали от недоедания, а уровень грамотности был крайне низок. Результаты экономического и социального развития при этом концентрировались в руках узкой элиты и приближенных к шахскому режиму групп. В этом контексте Исламская революция положила начало процессам более справедливого распределения ресурсов и социальной интеграции населения.

На международной арене независимый внешнеполитический курс Ирана стал фактором сдерживания интервенций США и их союзников на Ближнем Востоке. Тегеран сыграл важную роль в ликвидации террористических анклавов, таких как «Исламское государство» в Ираке и Сирии, а также продолжает препятствовать распространению экстремистских группировок в регионе.

После свержения шахского режима страна взяла курс на использование собственных природных и экономических ресур-

сов в интересах национального развития и обеспечения благосостояния населения. Несмотря на многолетние экономические санкции и фактическую международную изоляцию, Иран сумел достичь ощутимых результатов в различных секторах экономики и науки. По показателю ВВП с учетом паритета покупательной способности в 2024 г. страна входила в двадцатку ведущих экономик мира [3]. В области научных исследований и разработок страна занимает 15-е место среди мировых государств, демонстрируя высокий уровень инновационного потенциала [4].

Важным стратегическим направлением является интеграция экономического и инфраструктурного потенциала страны с соседними регионами. Объединение возможностей многомиллионного населения Ирана и Центральной Азии открывает значительные перспективы для экономического роста и укрепления региональной кооперации. В этом контексте особое значение имеют подписанные соглашения о зоне свободной торговли с Евразийским экономическим союзом, а также реализация крупных транспортно-логистических проектов, таких как международный коридор «Север – Юг» и китайская инициатива «Один пояс – один путь» [5].

Следование религиозным принципам не устраняет политических противоречий и не отменяет необходимости политической борьбы, без которой невозможно динамичное социальное развитие. Однако Исламская революция 1979 г. стала ярким примером того, как религиозный фактор может выступать объединяющей и мобилизующей силой. Влияние Хомейни и шиитского духовенства позволило создать устойчивые институциональные структуры, способные контролировать ключевые сферы власти, обеспечивать легитимность нового политического режима и защищать страну от внешнего давления. Более того, на протяжении более чем сорока лет существования Исламская Республика Иран демонстрировала устойчивость своей системы и способность адаптироваться к политическим, экономическим и социальным вызовам. Победа революции стала прецедентом для государств Ближнего и Среднего Востока, продемонстрировав потенциал религиозных норм

и ценностей как инструмента противодействия внешнему вмешательству.

Другим примером функционирования исламского фактора в качестве механизма сопротивления внешней интервенции является ситуация в Ливане, где на основе шиитской общины сформировалось движение «Хезболла». Его возникновение относится к первой половине 1980-х гг. и связано с изменениями в региональной политической структуре после израильского военного вторжения 1982 г. В этих условиях шиитские районы Ливана испытали наиболее серьезное давление, что создало социально-политический запрос на формирование сил самообороны и политического представительства.

Начиная с 1990-х гг. «Хезболла» прошла эволюцию от полувоенной организации к значимому политическому субъекту Ливана. Первое участие в парламентских выборах в 1992 г. принесло движению 8 из 128 депутатских мандатов. В дальнейшем парламентское присутствие укрепилось: в 2018 г. «Хезболла» получила 12 мест, а в 2022 г. – 13. Однако ее политическое влияние значительно шире прямого представительства в законодательном органе. В условиях фрагментированной и конфессионально распределенной политической системы Ливана «Хезболла» играет ключевую роль в коалиционном процессе. Ее парламентская фракция «Верность сопротивлению» входит в «Альянс 8 марта». Блок также объединяет крупнейшую христианско-националистическую силу страны – «Свободное патриотическое движение». Коалиция удерживает доминирующие позиции и в исполнительной власти: из 24 министров действующего кабинета 16 принадлежат политическим силам «Альянса 8 марта», включая двух членов «Хезболлы».

Военно-политический аспект деятельности «Хезболлы» достиг кульминации в 2000 г., когда Израиль был вынужден вывести войска с оккупированных территорий Южного Ливана после 18-летнего присутствия. Этот отход был воспринят значительной частью ливанского общества как победа движения и укрепил его легитимность. Следующее масштабное противостояние произошло в ходе Второй ливанской войны 2006 г., когда Израиль предпринял очередную попытку подавления военного потен-

циала организации. Однако кампания завершилась без стратегических достижений Израиля. Спустя 34 дня боевых действий израильские войска покинули территорию Ливана, не достигнув поставленных целей [6].

Международное отношение к движению «Хезболла» остается поляризованным. Террористической организацией «Хезболлу» признают Аргентина, Австралия, Австрия, Бахрейн, Великобритания, Гватемала, Германия, Гондурас, Израиль, Канада, Колумбия, Литва, Нидерланды, ОАЭ, Парагвай, Сербия, Словения, США, Чехия, Эстония. Ряд государств, включая Францию и Новую Зеландию, а также Европейский союз, квалифицируют террористическим лишь ее военное крыло. При этом такие крупные международные акторы, как Китай и Россия, не относят движение к террористическим структурам.

Таким образом, в ливанском контексте исламский фактор проявляется как структурный элемент, позволяющий местным политическим силам противостоять внешнему давлению и интервенциям. «Хезболла» служит примером того, как религиозно мотивированная организация может трансформироваться в устойчивый политический институт, обладающий значительным социальным, политическим и военно-стратегическим потенциалом, определяющим траекторию развития Ливана и баланс сил на Ближнем Востоке.

Не меньшую роль в региональных процессах играет Афганистан. После вывода советских войск в начале 1990-х гг. страна оказалась в состоянии политического хаоса. Свержение режима президента Наджибуллы в 1992 г. привело к соперничеству между различными группировками моджахедов за контроль над территорией и ресурсами. Именно в этот период возник «Талибан» – движение, первоначально состоявшее из религиозно ориентированных студентов («талибов») и молодых мулл из племенных общин. Их идеологической целью стало создание государства, основанного на ортодоксальном шариате, с устранением коррумпированных лидеров моджахедов и западного влияния. Движение быстро расширило свое влияние на юго-западные регионы страны, захватило провинцию Герат в 1995 г. и Кабул в 1996 г., провозгласив Исламский Эмират Афганистан. К концу 1998 г. талибы

контролировали почти 90 % территории страны [7].

Роль исламского фактора проявлялась в Афганистане в нескольких измерениях. Во-первых, религия обеспечивала легитимизацию власти Талибана. Во-вторых, ислам служил культурно-политическим каркасом для восстановления порядка в условиях социальной дезорганизации. В-третьих, исламская идентичность позволяла противостоять внешнему вмешательству, формируя локальные структуры самоуправления и сопротивления иностранному идеологическому и военному влиянию.

При этом международное сообщество оценивало деятельность Талибана крайне отрицательно. Период присутствия США в Афганистане охватывает более двух десятилетий (с 2001 г.). Вмешательство было оправдано необходимостью борьбы с терроризмом и свержением режима Талибана. В течение двадцати лет Соединенные Штаты и их союзники контролировали ключевые регионы страны, финансировали проамериканские правительства и формировали военные структуры, ориентированные на внешние интересы. Этот период характеризовался значительными затратами на поддержание военной и административной инфраструктуры, многочисленными жертвами среди гражданского населения, разрушением социально-экономических связей и устойчивой государственности [8].

Несмотря на внешнюю поддержку, проамериканские правительства Афганистана так и не смогли установить полный контроль над территорией страны. Военные операции и помощь моджахедам создавали временные очаги стабильности, однако общенационального порядка достичь не удавалось. Внутренние конфликты, коррупция и социальная нестабильность оставались постоянной проблемой. Присутствие иностранных сил воспринималось значительной частью населения как оккупация, что усиливало антиамериканские настроения и стимулировало сопротивление. Вывод войск США в 2021 г. стал прямым следствием политической и военной активности Талибана, который сумел консолидировать силы и установить контроль над всей территорией страны [9].

Таким образом, можно утверждать, что Афганистан продемонстрировал способность проводить независимую внутреннюю

и внешнюю политику, опираясь на национальные интересы и исламские ценности. Возвращение Талибана к власти позволило стране восстановить суверенитет и самостоятельно определять приоритеты в управлении государством и формировании внешнеполитического курса.

Активное взаимодействие с крупными державами, такими как Китай, Россия и Иран, стало ключевым элементом внешней политики Афганистана. Эти страны рассматриваются Кабулом как гарант региональной стабильности. Поддержка со стороны Пекина выражается в инвестициях в инфраструктурные проекты и транспортные коридоры, расширении торговых связей и дипломатическом признании, включая аккредитацию посла Афганистана [10]. Россия проявляет готовность рассмотреть возможность снятия с Талибана статуса террористической организации [11]. Иран, ранее критически настроенный к Талибану из-за его внутренней политики, демонстрирует постепенное смягчение позиции. С учетом негативного опыта американского военного присутствия в Афганистане Тегеран видит потенциал конструктивного сотрудничества с Кабулом. Переговоры касаются вопросов безопасности, границ, торговли, водных ресурсов и противодействия террористическим угрозам, включая «Исламское государство» и другие экстремистские группировки [12].

Заключение

Если глобализацию понимать не только как процесс экономической интеграции, но и как механизм закрепления американского влияния через международные институты и транснациональные корпорации, то сопротивление этому влиянию становится многомерным стратегическим действием. Это сопротивление трансформируется в широкую, многоуровневую антиимпериалистическую борьбу, охватывающую различные регионы мира. В такой интерпретации глобальная система оказывается ареной противостояния между центрами силы и социально-политическими акторами, выступающими за сохранение автономии, культурной самобытности и политического суверенитета.

С точки зрения западных держав подобные формы сопротивления квалифицируются как проявление международного

терроризма. Однако для движений, действующих на Ближнем Востоке и в других регионах, они представляют собой механизмы политической самообороны, направленные против вмешательства, экономической эксплуатации и попыток внешнего контроля. Эти акторы проявляют себя не только в традиционных зонах напряженности Ближнего и Среднего Востока, но и в различных частях мира: в государствах Южной и Северной Америки, на территории Европы, а также в странах Юго-Восточной Азии. В этих регионах они действуют в рамках широкой сети контактов, симпатизирующих групп и союзнических структур, которые формируются на основе общих антигегемонистских настроений. Таким образом, противостояние превращается в многоуровневый феномен

борьбы против однополярного мирового порядка и универсализации интересов западных держав.

В результате формируется своеобразный транснациональный фронт. Несмотря на его неоднородность, он объединен общей целью – противодействием политическому, экономическому и культурному доминированию США. Глобализация в таком понимании перестает быть нейтральным процессом и становится полем борьбы за распределение власти в мировом масштабе. А действия акторов, сопротивляющихся внешнему давлению, приобретают значение важного элемента международной политической динамики, формирующей новые конфигурации глобального порядка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пузырев, Д. Исламский фактор в мировой политике / Д. Пузырев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 67–73.
2. Исламская революция в Иране 1979 // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». – 2023. – URL: <https://bigenc.ru/c/islamskaia-revoliutsiia-v-irane-1979-afef01> (дата обращения: 13.11.2025).
3. Иран: ВВП на душу населения, ППС // The Global Economy. – 2024. – URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Iran/GDP_per_capita_PPP/ (дата обращения: 13.11.2025).
4. Иран занимает 15-е место в мире по производству науки // IRNA. – 2024. – URL: <https://clck.ru/3QPDYM> (дата обращения: 13.11.2025).
5. Страны ЕАЭС планируют развивать евразийскую транспортную инфраструктуру с учетом коридоров «Север – Юг» и «Восток – Запад» // ЕЭК. – 2025. – URL: <https://eec.eaeunion.org/be/news/strany-eaes-planiruyut-razvitie-evraziyskoy-transportnoy-infrastruktury-s-uchetom-koridorov-sever-yu/> (дата обращения: 13.11.2025).
6. Левитт, М. «Хезболла»: глобальные следы деятельности ливанской «Партии Бога» / М. Левитт // Ближний Восток: нефть и политика. – 2014. – С. 115–150.
7. Феномен движения Талибан // Институт стратегического анализа и прогноза. – 2023. – URL: <https://www.isap.center/article/636> (дата обращения: 15.11.2025).
8. Гасайниев, З. Г. Военная операция США на территории Афганистана в 2001–2014 гг. и ее последствия / З. Г. Гасайниев // Символ науки. – 2020. – № 2. – С. 20–23.
9. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность / И. А. Сафранчук, М. А. Конаровский, Г. Г. Мачитидзе [и др.]. – М. : МГИМО, 2022. – 32 с.
10. Си Цзиньпин принял верительные грамоты от посла талибов // Ведомости. – 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/01/1017825-si-tszipin-prinyal-veritelnegramoti-ot-posla-talibov> (дата обращения: 15.11.2025).
11. Решение об исключении «Талибана» из списка террористов принято на высшем уровне // ТАСС. – 2025. – URL: <https://tass.ru/politika/22043279> (дата обращения: 15.11.2025).
12. Новый шаг Тегерана и Кабула по устранению препятствий на пути всестороннего сотрудничества // NourNews. – 2023. – URL: <https://NourNews.ir/n/154661> (дата обращения: 15.11.2025).

REFERENCES

1. Puzyrev, D. Islamskij faktor v mirovoj politike / D. Puzyrev // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2011. – № 3. – S. 67–73.
2. Islamskaya revolyuciya v Irane 1979 // Nauchno-obrazovatel'nyj portal «Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya». – 2023. – URL: <https://bigenc.ru/c/islamskaia-revoliutsiia-v-irane-1979-afef01> (data obrashcheniya: 13.11.2025).
3. Iran: VVP na dushu naseleniya, PPS // The Global Economy. – 2024. – URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Iran/GDP_per_capita_PPP/ (data obrashcheniya: 13.11.2025).
4. Iran zanimaet 15-e mesto v mire po proizvodstvu nauki // IRNA. – 2024. – URL: <https://clck.ru/3QPDYM> (data obrashcheniya: 13.11.2025).
5. Strany EAES planiruyut razvivat' evrazijskuyu transportnuyu infrastrukturu s uchetom koridorov «Sever – Yug» i «Vostok – Zapad» // YeEK. – 2025. – URL: <https://eec.eaeunion.org/be/-news/strany-eaes-planiruyut-razvitie-evraziyskoy-transportnoy-infrastruktury-s-uchetom-koridorov-sever-yu/> (data obrashcheniya: 13.11.2025).
6. Levitt, M. «Khezbolla»: global'nye sledy deyatel'nosti livanskoj «Partii Boga» / M. Levitt // Blizhniy Vostok: nef't i politika. – 2014. – С. 115–150.
7. Fenomen dvizheniya Taliban // Institut strategicheskogo analiza i prognoza. – 2023. – URL: <https://www.isap.center/article/636> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
8. Gasajniev, Z. G. Voennaya operaciya SShA na territorii Afganistana v 2001–2014 gg. i ee posledstviya / Z. G. Gasajniev // Simvol nauki. – 2020. – № 2. – S. 20–23.
9. Afganistan posle smeny rezhima: vnutrennyaya i mezhdunarodnaya neopredelennost' / I. A. Safranchuk, M. A. Konarovskij, G. G. Machitidze [i dr.]. – M. : MGIMO, 2022. – 32 s.
10. Si Czin'pin prinyal veritel'nye gramoty ot posla talibov // Vedomosti. – 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/01/1017825-si-tszinpin-prinyal-veritelnies-gramoti-ot-posla-talibov> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
11. Reshenie ob isklyuchenii «Talibana» iz spiska terroristov prinyato na vysshem urovne // TASS. – 2025. – URL: <https://tass.ru/politika/22043279> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
12. Novyj shag Tegerana i Kabula po ustraneniyu prepyatstvij na puti vsestoronnego sotrudnichestva // NourNews. – 2023. – URL: <https://NourNews.ir/n/154661> (data obrashcheniya: 15.11.2025).

Руканіс наступіў у рэдакцыю 03.12.2025